
УКРАИНСКИЙ УЗЕЛ

Продолжая обсуждение истории, предыстории и перспектив разрешения конфликта в Украине, редакция ИПСИ приглашает к участию в дальнейшей дискуссии ученых России, Украины, а также других стран.

В. В. ВИФЛЯНЦЕВ

УКРАИНА МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

**(комментарии к статье В. Ю. Даренского
«Региональные типы модерна в Украине
как источник ментальных конфликтов»)**

В комментарии к статье В. Ю. Даренского предпринята попытка объединить общий анализ обсуждаемой проблемы с замечаниями относительно некоторых спорных моментов в логике и аргументации представленных суждений. Автор комментария признает наличие ментальных отличий между населением разных регионов Украины, которые формируют несколько отличающиеся типы языковых, религиозных, социальных и этнических идентичностей. Вместе с тем эти отличия никак нельзя признать основанием для конфронтации в украинском обществе. Этническое, религиозное и языковое многообразие Украины хорошо сочетается с идеей ее политической целостности и соборности.

Ключевые слова: *социальный конфликт, Украина, этнос, историзм, империя.*

Знакомство со статьей Виталия Юрьевича (Даренский 2014) было для меня интересным прежде всего, конечно, в научном плане. В удивительное время, которое мы совместно создаем нашими поступками, желаниями и дерзаниями, сомнениями и надеждами, стремительная динамика социальных процессов, их фиксируемая семантическая многоуровневость и неоднозначность существенно усложняют поиск научной истины. Между тем именно в сфере со-

Историческая психология и социология истории 2/2014 5–12

циального знания приближение к истине в ее активном поиске в перспективе позволяет достигнуть политических соглашений, что, в свою очередь, ведет к ослаблению конфронтации в обществе.

Не менее важно то, что обсуждаемые вопросы непосредственно касаются моей родной страны, ее сегодняшних социально-политических преобразований, поэтому статья мне интересна как гражданину, который желает конструктивного разрешения имеющихся в Украине общественных конфликтов, ментальных в том числе. Мы неоднократно встречались с Виталием Юрьевичем за круглым столом при обсуждении различных философских проблем, теперь же я рад возможности продолжить общение в печатном издании.

Итак, автор статьи фиксирует наличие ментального конфликта в Украине, который он связывает с региональными отличиями восточных и западных территорий страны. Принципиальные отличия в ментальных установках населения этих регионов он объясняет прежде всего формированием различных мировоззренческих идей в русле общей традиции модерна и их сегодняшним состоянием, которое определяется им как кризисное. Единственный удачный выход из этого кризиса Даренский видит в «реинтеграции евразийского социально-экономического и культурного пространства» (Даренский 2014: 38).

Проследим за мыслью автора и постараемся проанализировать логику аргументации и выводы. Статья начинается с указания на тот факт, что современная Украина образовалась в результате распада Советского Союза, где, как утверждает автор, административные границы территорий устанавливали «лишь исходя из соображения удобства управления ими» (Там же). Поэтому, говорится далее, Украина в современных территориальных границах имеет межэтнические и межрелигиозные конфликты.

Заметим, что различные этнические и религиозные общины, которые сегодня представляют население Украины, имеют древнюю и богатую событиями историю, а значит, для понимания причин нынешних конфликтов необходимо рассматривать их в как можно более широком временном контексте, иначе это выглядит неоправданным упрощением. Что же касается тезиса о проведении границ внутри колониальных империй «лишь исходя из соображения удобства управления ими», то с ним можно согласиться, если «удобство управления» понимать очень широко: не только как удобство хозяйственного управления, но и как удобство политическое. Знакомство с документами первых десятилетий советской

власти в Украине вполне позволяет утвердиться в подобном понимании причин изменения как внутренних, так и внешних границ СССР (Кравченко и др. 2004).

Впрочем, перекраивание границ союзных республик, очевидно, не полностью обеспечивало удобство управления страной, поэтому значительно чаще использовались методы депортаций и принудительного переселения жителей определенных мест по социальному, этническому и конфессиональному признакам. Московский исследователь П. Полян (2001) в работе, посвященной принудительным миграциям в Советском Союзе, указывает, что в СССР тотальной депортации были подвергнуты десять народов: корейцы, немцы, финны-ингерманландцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и турки-месхетинцы. Репрессии советской власти по отношению к народам Советского Союза сильно повлияли на этнический состав многих регионов страны, что в совокупности с территориальными переделами привело к возникновению мест особой межэтнической напряженности. Сказанное в полной мере касается и Украины.

Непонятно утверждение Виталия Юрьевича о том, что различие отдельных регионов Украины обязательно определяет некий ментальный конфликт. Более справедливой представляется мысль, согласно которой власть вполне способна (и должна!) предотвращать возникновение общественных конфликтов на государственном уровне, осуществляя соответствующую национальную и социальную политику. Действительно, в одних случаях межэтнические и межрелигиозные отличия являются предметом национальной и государственной гордости, а в других – причиной конфликтов. Не правильнее ли было бы с данной точки зрения проанализировать конкретные действия или бездействие украинской власти относительно национального и конфессионального вопросов?

Если обратить внимание на тот дискурс, в русле которого Даренский осуществляет анализ заявленной проблемы, становится понятным, что свою критику он основывает на идеях, которые К. Поппер (1992) назвал методологией историцизма. Такие фразы, как «испытания большой Историей», «выпадение из Истории как таковой», «формы антиисторического сознания», свидетельствуют о вере автора в некую преданность – «историческую необходимость», некие силы и законы исторического развития, которые способны однозначно определять исторический мейнстрим на глобальном уровне. Лично я разделяю мысль Поппера о том, что ме-

тодология историцизма с бóльшим успехом может быть использована для обоснования определенной идеологии, нежели для подлинного научного анализа. Более того, добавлю, что в качестве идеологии позиция историцизма удобна для снятия политической ответственности с тех правителей, которые принимали решения о совершении репрессивных, антигуманных действий. В этом случае восприятие даже таких однозначно негативных социальных явлений, как геноцид, может сопровождаться софистикой в стиле речей, произносимых с различных трибун в советские времена, о закономерных «трудностях» на сложном пути общественного развития – пути прогрессивного перехода от одной социально-экономической формации к следующей, олицетворяющего как раз эту самую «историческую необходимость».

В комментируемой статье обращает на себя внимание достаточно произвольное употребление некоторых терминов. Например, что такое «мегаэтнос»? Почему новороссы – это мегаэтнос? Согласно концепции этногенезов Л. Н. Гумилева (1989: 106–109), новороссов следовало бы отнести к субэтническому образованию. Ссылка на этого автора вполне уместна, поскольку Виталий Юрьевич явно использует некоторые понятия его концепции, в частности понятие «пассионарность». Так вот, Гумилев обозначает термином «суперэтнос» надэтнические образования, точнее, группу этносов, возникших в одно время в определенном регионе и взаимосвязанных в политическом, экономическом и идеологическом отношениях. Так, эллины, средневековые франки, византийцы, мусульмане классифицируются им как суперэтносы. Понятия же «мегаэтнос» у Гумилева мы не встречаем. Непроясненность данного понятия вполне может привести к потере его содержательной сути и некритическому использованию.

Вызывает множество вопросов и употребление Виталием Юрьевичем понятий «русский» и «украинский», а также их производных. Что собой представляют «общерусский язык» или «общерусская православно-патриотическая организация»? Чем «общерусский язык» отличается от языка русского? В произведениях одного из создателей идеологии евразийства Н. С. Трубецкого (1927) широко употребляется термин «общерусская культура», которая, по его мнению, вытесняет культуру великорусскую, формировавшуюся в XVII–XVIII веках. Но перенесение понятия «общерусский» на язык и отдельные общественные структуры требует серьезного обоснования, которое в статье отсутствует.

В своих произведениях Тарас Шевченко не употреблял слово «украинец»? Да, не употреблял. Давайте посмотрим, какие этнонимы он употреблял. Слово «поляк» встречается четыре раза, слово «руський» – два раза, слово «москаль» – шестьдесят три раза, слово «немец» – десять раз, слова «француз», «венгр», «новоросс» и «итальянец» не встречаются, как и слово «украинец» (Словник... 1964). И что следует из этого «скандального» факта? Вряд ли на основании лишь подобного количественного анализа можно сделать какие-либо общие выводы. Возможно, Тарас Шевченко не ставил своей задачей описать мир во всей его этнической полноте, а возможно, слово «украинец» плохо сочеталось с ритмической структурой его произведений – для ответа на этот вопрос необходимо отдельное литературно-лингвистическое исследование. Во всяком случае, неправомерно делать вывод о несуществовании украинского этноса в XIX веке на том основании, что один из его ярчайших представителей в своих произведениях не употреблял слово «украинец».

Продолжая тему этнонимов, замечу, что, анализируя понятия «Русь» и «Украина», следует брать более широкий исторический контекст, а не ограничиваться исключительно эпохой модерна. Тогда станут более понятными вполне отвечающие действительности слова Виталия Юрьевича о том, что в досоветские времена не только население «юго-западного края», но и большей части территории современной Украины самоназывалось «руськими», противопоставляя себя «московитам», «полякам», «татарам», «литвинам» и другим этносам. А собственно, что удивительного в том, что потомки народа, который создал государство с именем «Русь», даже после прекращения его существования как единой политико-государственной целостности продолжали именовать себя «русскими», «русинами» и «руськими»?

Сегодня существует великое множество заслуживающих доверия исследований, в которых убедительно излагается история о присвоении Московским государством имени соседней территории – Русь, с небольшим изменением – Россия. В то же время в этих работах представлены веские аргументы в пользу как древности топонима «Украина», так и принадлежности этнонима «рус» предкам современных украинцев. Сошлюсь лишь на несколько из этих исследований. Член-корреспондент Национальной академии наук Украины, доктор филологических наук Г. Пивторак (2001: 38–39) пишет, что формирование украинского этноса приходится на

середины первого тысячелетия нашей эры, «синхронно с зарождением, с формированием других европейских этносов».

Профессор И. Огиенко, известный переводчик Священного Писания на украинский язык, в работе «История украинского литературного языка» поместил фотографию страницы из рукописного Пересопницкого Евангелия 1556–1561 годов, в котором слово «украина» употребляется в значении «земля», «край», «область». Основываясь на этом факте, Огиенко делает вполне правомерный вывод о древности слова «Украина», которое, очевидно, употреблялось и как второе имя Руси. Далее он пишет: «...нет оснований называть наше древнее государство исключительно Русью, а язык наш только русским, в то время как уже тогда было и другое имя, Украина, которое позже возобладало над другими. Например, россияне пишут в своих научных трудах: “Русская история”, или “История России», вовсе отвергая то, что аж до Петра I их государство называлось Московией» (Огиенко 2001: 101–102).

Примечателен в плане обсуждаемой проблемы также способ самоназвания русского этноса. Вот что пишет по этому поводу Е. Наконечный (1998: 90): «Самоназвания всех славянских народов являются субстантивами, то есть отвечают на вопрос “кто?” (например, поляк, чех, хорват, словак и т. д.). Россияне ж, придерживаясь этого правила относительно других народов, себя называют атрибутивно, на вопрос про национальную принадлежность отвечают: русский, то есть дают ответ на вопрос притяжательного прилагательного – “чей?”. Не говорят русин, как это было принято в эпоху Киевского государства, а говорят русский».

Интересны в статье Виталия Юрьевича слова о том, что «принцип национального самосознания как раз в том и состоит, что оно преодолевает этническую ограниченность ради причастности единству великой цивилизационной традиции. В здоровой нации наличие внутренних этнических различий не ослабляет, а наоборот, усиливает сознание единства, поскольку сами эти различия заставляют яснее осознавать ту общую традицию и те общие ценности, ради которых стоит жить» (Даренский 2014: 47). Эти утверждения выглядят вполне справедливыми. Однако вопрос о носителе «великой цивилизационной традиции» автор решает однозначно в пользу империи. Почему империя может быть таким носителем, а национальное государство – нет? В чем, собственно, состоит величие России в сравнении с Украиной в цивилизационном плане?

Ответы на эти вопросы, по крайней мере частично, дал И. Г. Яковенко (1996). Он пишет: «Фундаментальное различие национальной и имперской моделей лежит в сфере соотношения личности и государства. В империи каждый человек и население как целое является средством. Цель империи – Идея, отражением которой Империя и выступает. Назначением национального государства является обслуживание общества, т. е. совокупности автономных и социально стратифицированных автономных индивидов» (Яковенко 1996: 120). Таким образом, национальное государство призвано отстаивать национальные интересы, империя – Идею.

Можно было бы обстоятельно написать и про украинскую национальную идею, которая, по мнению Виталия Юрьевича, зиждется на русофобии. Но выбранный мною жанр ответа на статью заставляет быть предельно кратким в изложении своих возражений. Поэтому скажу лишь следующее: на мой взгляд, стержень украинской, как и любой другой национальной идеи, состоит в признании на индивидуальном и групповом уровнях своего этнического (а значит, и ментального) отличия от соседних наций. Любой человек, обладающий национальным самосознанием, способен однозначно идентифицировать себя в плане этнической принадлежности. Но быть, как говорил М. Мамардашвили, это значит постоянно быть другим. Поэтому речь не может идти о фобиях. Скорее нужно говорить о том, что у современного населения Западной Украины еще слишком свежа память о геноциде, которому оно подверглось в сталинское время.

Итак, зафиксированные В. Ю. Даренским различия между населением разных регионов Украины, которые проявляются в разных стереотипах поведения, безусловно существенны и заслуживают пристального внимания и научного анализа. Вместе с тем я глубоко убежден, что подобные различия могут вызывать какие-либо конфликты, в том числе ментальные, только вследствие некорректной государственной политики или под сильным внешним влиянием. При умелом руководстве и стабильности социально-экономического климата в государстве таковые различия становятся хорошим основанием для общения и культурного взаимообогащения на всех уровнях. Именно этого я и желаю Украине.

Литература

Гумилев, Л. Н. 1989. *Этногенез и биосфера Земли*. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.

Даренский, В. Ю. 2014. Региональные типы модерна в Украине как источник ментальных конфликтов. *Историческая психология и социология истории* 7: 38–55.

Кравченко, В. І., Добров, П. В., Панченко, П. П., Футулінчук, В. М., Краснонос, Ю. М. 2004. *Україна. 1920–1939 роки. Документи свідчать. Навчальний посібник*. Донецьк: Східний видавничий дім.

Наконечний, Є. П. 1998. *Украдене ім'я: Чому русини стали українцями*. Львів: НАН України, Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаника.

Огієнко, І. 2001. Історія української літературної мови / упоряд., авт. іст.-біогр. нарисів та приміт. М. С. Тимошик. Київ: Наша культура і наука.

Півторак, Г. П. 2001. *Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов: Міфи і правда про трьох братів слов'янських зі «спільної кошики»*. Київ: Академія.

Полян, П. 2001. *Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР*. М.: ОГИ-Мемориал.

Поппер, К. 1992. Ницета историцизма. *Вопросы философии* 8: 49–79; 9: 22–48.

Словник мови Шевченка: в 2 т. Київ: Наукова думка, 1964.

Трубецкой, С. Н. 1927. К украинской проблеме. *Евразийский современник*. Кн. V. Париж, с. 165–184.

Яковенко, И. Г. 1996. От империи к национальному государству (попытка концептуализации процесса). *Полис* 6: 117–128.